

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ИНСТИТУТОВ ПОДДАНСТВА И ГРАЖДАНСТВА В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (XVIII – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX в.)

Е. С. Соколова

*Уральский государственный юридический университет имени
В. Ф. Яковлева, ул. Комсомольская, 21, 620066, г. Екатеринбург, Россия*

Прослеживается тенденция юридической политики российского самодержавия к созданию правовых гарантий прав состояния для отдельных социальных групп с целью усиления охранительного начала сословного законодательства. Делается вывод о легализации особого статуса монарха, обеспечивающего постепенную трансформацию отношений подданства в институт гражданства в условиях существования юридического неравенства.

Ключевые слова: права личности; российское самодержавие; юридическая политика; охранительное начало; модернизация.

ДА ПЫТАННЯ ПРА СУАДНОСІНЫ ІНСТЫТУТАЎ ПАДДАНСТВА І ГРАМАДЗЯНСТВА Ў ЮРЫДЫЧНАЙ ПАЛІТЫЦЫ РАСІЙСКОЙ ДЗЯРЖАВЫ (XVIII – ПЕРШАЯ ТРЭЦЬ XIX ст.)

А. С. Сакалова

*Уральскі дзяржаўны юрыдычны ўніверсітэт імя В. Ф. Якаўлева,
вул. Камсамольская, 21, 620066, г. Екацерынбург, Расія*

Прасочваецца тэндэнцыя юрыдычнай палітыкі расійскага самадзяржаўя да стварэння прававых гарантый правоў стану для асобных сацыяльных груп з мэтай узмацнення ахавальнага пачатку саслоўнага заканадаўства. Робіцца выснова аб легалізацыі асаблівага статусу манарха, які забяспечвае паступовую трансфармацыю адносін падданства ў інстытут грамадзянства ва ўмовах існавання юрыдычнай няроўнасці.

Ключавыя словы: правы асобы; расійскае самадзяржаўе; юрыдычная палітыка; ахавальны пачатак; мадэрнізацыя.

ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE INSTITUTIONS OF CITIZENSHIP AND CITIZENSHIP IN THE LEGAL POLICY OF THE RUSSIAN STATE (XVIII – THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURIES)

E. S. Sokolova

*Ural State Law University named after V. F. Yakovlev,
21 Komsomolskaya Street, Ekaterinburg 620066, Russia*

There is a tendency in the legal policy of the Russian autocracy towards the creation of legal guarantees of state rights for certain social groups in order to strengthen the protective principle of class legislation. The conclusion is made about the legalization of the special status of the monarch, ensuring the gradual transformation of citizenship relations into the institution of citizenship in the context of the existence of legal inequality.

Keywords: personal rights; Russian autocracy; legal policy; protective principle; modernization.

Общетеоретические проблемы формирования и становления правового статуса личности являются одним из ведущих научных направлений современного правоведения. В литературе активно обсуждается вопрос о дифференциации понятий «гражданство» и «подданство», о структуре юридического положения личности в обществе и государстве. Выявляются возможные соотношения между положением личности в социуме, основными правами, свободами и уровнем правосубъектности, позволяющим каждому индивиду обеспечивать реализацию законных интересов субъективного характера и нести конституционные обязанности.

В научном наследии А. М. Абрамовича данная проблематика занимает одно из центральных мест, а выполненные им исследования динамики развития правового статуса гражданства сохраняют свою актуальность до настоящего времени. В частности, А. М. Абрамович отмечал взаимосвязь правового статуса личности с институтом гражданства, наличием конституционных прав и обязанностей, а также обеспечением правовых гарантий на законодательном уровне. Статус гражданства рассматривается в его трудах как «обобщающая категория», позволяющая выявить «все основные аспекты его (гражданина – Е. С.) положения в государстве» [1, с. 2]. Подобный подход к определению сущности правового положения гражданина представляется весьма плодотворным для выявления возможного взаимодействия между институтами гражданства и подданства, учитывая многообразный характер дискуссий, посвященных типологии этих понятий.

В настоящее время профессиональное соглашение, существующее по данному поводу, основано на отрицании публично-правовой природы отношений подданства. В целом они определяются как взаимосвязь лица с монархом, основанная на отсутствии признания за подданным субъективных прав и соответствующих им правовых гарантий конституционного характера. Таким образом, в научной литературе преобладает точка зрения, отождествляющая отношения подданства с монархическим государством, что, по мнению ряда авторов, совершенно исключает модернизацию правового статуса личности, обеспечивающую гражданские права и свободы наряду с законодательным закреплением должного уровня юридических обязанностей [2, с. 64–65; 3, с. 48–50; 4, с. 95–96].

По мнению А. М. Абрамовича, «наиболее существенное значение для правового статуса граждан имеют их основные права и обязанности, закрепленные в конституционном порядке» [1, с. 3–4]. Именно они являются юридической базой для развития отраслевого законодательства и генетически связаны с государственным режимом демократии. Вместе с тем следует подчеркнуть, что исследуя проблематику прав и свобод личности на материалах Конституции СССР 1977 г., А. М. Абрамович не отрицал возможности исторического подхода к вопросам формирования и становления института гражданства, что представляется крайне важным для понимания историко-правовой специфики его возникновения.

Обращение к многообразным носителям правовой информации историко-правового содержания позволяет сделать вывод о том, что в исторической ретроспективе статус гражданства или же его отдельные составляющие в форме юридических прав не всегда находились в непротиворечии с институтом подданства. В ряде случаев конституирование юридических прав на основе их соотношения с обязанностями субъектов осуществлялось на основе политико-юридического курса монархических государств. Данное направление юридической политики отличалось охранительной направленностью и допускало лишь умеренную модернизацию правоотношений в сфере взаимодействия монарха и социума при сохранении неравенства прав состояния. В то же время само это неравенство, которое являлось основным стержнем сословного законодательства, было нацелено на индивидуализацию права, позволяющую определить основной объем правового положения той или иной социальной группы и приблизить частно-правовой институт служения монарху к статусу гражданства.

Данный вектор юридической политики был нацелен на обеспечение политико-юридических условий для легализации особого статуса правящего лица, позволяющего ему доминировать в обществе и государстве. Превращение сословного законодательства в основной инструмент воздействия на общественное устройство содействовало формированию режима законности, в рамках которого достигался необходимый для стабилизации государственно-правовой системы уровень правового положения каждой сословной группы. Это хорошо прослеживается на примере эволюции сословного законодательства Российской империи, где юридическая политика, нацеленная на конституирование юридических прав и обязанностей сословий, привела к формированию надсословного политического режима и обеспечила монарху возможность контроля за социальной деятельностью субъектов сословного законодательства правовыми средствами [5, с. 25–49].

Определяя юридические критерии взаимодействия верховной власти и отдельных общественных групп, российские законодатели ориентировались на степень значимости социальной деятельности каждого сословия для достижения социально-экономического благосостояния и политической стабильности государства.

В условиях сохранения сословной стратификации общества как основного ядра российской политико-правовой системы Нового времени основным юридическим инструментом, обеспечивающим лидирующее положение монарха в российском социуме, была детальная законодательная регламентация механизма социальной мобильности для лиц недворянского звания в зависимости от их статусного положения. Важным элементом, определяющим сущность взаимосвязи между каждым сословием и государством, являлось распределение сословных прав привилегированного характера, которые по аналогии с законодательством о дворянстве не носили безусловного характера и отражали значимость той или иной страты в сословной иерархии [5, с. 298–300].

Основной политико-юридический показатель статусной характеристики сословий и входящих в них сословных групп заключался в объеме правоспособности, закрепленном за коллективным субъектом права. Детализируя права состояния в различных сферах жизни общества, законодатель опирался на особенности институционального оформления дворянских привилегий, частично уравнивая другие категории общества в правах с высшим сословием Российского государства. Общим итогом юридической политики в области сближения сословных статусов при сохранении элементов сословной корпоративности стало создание юридического механизма, позволяющего осуществлять управление всеми видами социальной деятельности населения и оказывать воздействие на общезначимые поведенческие стратегии как отдельных лиц, так и целых общественных групп.

Методы политико-юридического манипулирования социумом, нацеленные на реализацию надсословного политического режима, в наибольшей степени отражены в нормах сословного законодательства, регламентирующего правовое положение духовенства и городских обывателей. Оба сословия по объему дарованных им статусных привилегий были приближены к дворянству, но в то же время имели значительно более низкое положение в социальной организации Российского государства.

Частичное уравнивание полупривилегированных сословий с дворянством в имущественных и личных правах практиковалось с целью подъема их социально-политической значимости и расширения возможности воздействия на сословное самосознание у значительной части поддан-

ных, что объективно содействовало укреплению надсословного имиджа правящего монарха.

С той же целью законодатель в ряде случаев допускал возможность корректировки общего механизма регулирования прав состояния, которая заключалась в ослаблении наследственного принципа сословной принадлежности, насильственном переводе «лишних» членов того или иного сословия в другие страты, усилении финансово-экономических рычагов давления на те сословные группы, для которых юридическое состояние определялось уровнем их предпринимательской деятельности. Аналогичный принцип политико-юридического прагматизма был положен в основу регулирования прав состояния для непривилегированных сословий [5, с. 150–175].

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что консерватизм сословной политики Российской империи, основанной на отказе от принципа юридического равенства во имя охранительных целей, не позволяет говорить о полной трансформации института подданства в институт гражданства, как это произошло, например, в Великобритании. Тем не менее, определяя статусные различия сословий по их правам и обязанностям перед государством, российский законодатель обеспечивал правовые гарантии реализации тех сословно-корпоративных интересов, которые не противоречили общегосударственным потребностям. Закрепление данной модели сословной организации общества в Своде законов создавало политико-юридическую основу для разработки юридического механизма демократизации общественного устройства на основе синтеза подданных отношений и прав гражданства в условиях функционирования самодержавной монархии.

Библиографические ссылки

1. *Абрамович А. М.* Правовой статус советского гражданина. Минск : Наука и техника, 1988. 91 с.
2. *Ванюшин Я. Л.* Гражданство и подданство: некоторые вопросы соотношения // Проблемы права. 2010. № 1. С. 61–65.
3. *Ванюшин Я. Л.* Соотношение гражданства и подданства: некоторые вопросы теории и практики // Юрист-правоведъ. 2007. № 2. С. 47–51.
4. *Стацак А. Ю.* Правовой механизм приобретения подданства Российской империи (вт. половина XIX – начало XX ст.) // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. № 1. С. 93–98.
5. *Соколова Е. С.* Надсословная монархия в идеологических и государственно-правовых практиках России (середина XVII – первая треть XIX вв.). М. : Юрлитинформ, 2021. 304 с.